

А Н Н О Т А Ц И И

P. Lemerle. The agrarian history of Byzantium from the origins to the twelfth century. Galway (Ireland): Galway University Press, 1979. XII + 272 p.

В основу книги положены ранее опубликованные П. Лемерлем исследования аграрного строя Византии IV—XII вв. Однако нельзя считать настоящее их издание просто переводом произведений французского ученого на английский язык. В представленной редакции его исследования значительно переработаны: изъятые второстепенные и устаревшие материалы, учтены результаты новейших исследований западноевропейских и советских византистов, использованы новые публикации документальных и нарративных источников. Прделанное редактирование английского варианта текста исследований способствовало усовершенствованию их структуры. В отдельных случаях подвергнут коррекции текст цитируемых источников. Внесенные изменения позволили создать во многом оригинальное произведение.

Основные проблемы аграрного строя Византии рассматриваются в форме очерков, соответствующих общепринятой периодизации ее истории. Первые три очерка — I. Обзорение ранневизантийского периода (IV—VI вв.); II. «Средние века» Византии и Земледельческий закон (VII—IX вв.); III. Апогей империи (IX—XI вв.). Трактат об обложении. Законодательство императоров Македонской династии. Первые архивные документы — в большей степени, чем другие разделы работы, совпадают с прототипом (*Esquisse pour une histoire agraire des Byzaces: les sources et les problèmes*)¹. Наибольшие отступления в первых двух главах данного труда от предшествующего издания обусловлены появлением в свет исследований Р. Ремондон, У. Гоффарта и Ж. Гаску². П. Лемерль полеми-

зирует с названными исследователями относительно исторической роли мелкого, среднего и крупного землевладения в регионе Средиземноморья, природы колоната и патроната, принципов организации фиска в ранневизантийском государстве (с. 2—3, 12, 65). В третьей главе П. Лемерль дополнительно касается вопроса о сохранении коллективной ответственности общины перед фиском после отмены аллиленгия (с. 79—80). При рассмотрении аграрного законодательства императоров Македонской династии историк использует результаты изучения новелл в семинаре, проведенном под руководством Н. Зворонсо в Практической школе высших исследований в 1969—1971 гг. Расширению источниковедческой базы исследования служит также использование вновь опубликованных актовых материалов. К сожалению, приходится констатировать отсутствие коррективов в выводах, завершающих эту часть работы.

Следующая глава (IV. Преемственность или изменение? Фиванский земельный кадастр.) восполняет пробел в тематике более ранних исследований П. Лемерля. Уже само название говорит о сомнениях, которые возникли у исследователя при осмыслении содержания памятника XI—XII вв. По мнению историка, византийская деревня этого времени, в которой продолжает существовать свободная сельская община, не претерпевает значительных изменений. Выявленные же ученым отличительные черты содержания кадастра (отсутствие сведений о владениях воинов и провини, высокая степень представительства среди упомянутых в кадастре землевладельцев чиновных и придворных dignitaires) объясняются локальными особенностями фиванского региона (с. 198—199). Вместе с тем сопоставление материалов фиванского кадастра и современного ему практика

¹ RH, 1958, v. 219, fasc. 1—2, p. 32—74, 254—284; 1958, vol. 220, fasc. 1, p. 43—94.

² Remondon R. La crise de l'empire romain de Marc Aurèle à Anastase. P., 1971; Goffart W. Caput and Colonate. Towards a history of late Roman taxation. — Phoenix. Review of the Canadian Society for Classical Studies, 1974, suppl. vol. XI; Idem. From Roman taxation to mediaeval seigneurie. — Speculum, 1972, 47; Gascou J. La possession du sol,

la cité et l'Etat à l'époque protobyzantine et particulièrement en Egypte: recherches d'histoire des structures agraire, de la fiscalité et des institutions aux Ve, VIe et VIIe siècles (thèse, 1975).

афинского регнона³ не проделано с должной полнотой и законченностью (с. 199, примеч. 2).

Последняя глава (V. Новая картина: общая характеристика эпохи Комнинов) содержит парафразы предыдущих произведений византиста⁴. Ее структура (Крупная и мелкая личная собственность. Сохранение независимого крестьянства. К зависимости: крупные императорские пожалования. Торжество латифундиальной системы церкви. Земля и армия. Фискализация стратий. Институт военной пронии. Генерализация и распространение парикии) отражает проблемный подход к изучению широкого круга исторических явлений. И хотя П. Лемерль остается верен концепции, которая зиждется на непризнании феодального развития Византии (с. 201—202)⁵, никогда прежде ученому не удавалось столь рельефно выразить и столь последовательно обобщить свои взгляды на характер изме-

нений в аграрном строе XI—XII вв. На первый план выдвигается тезис о сохранении свободной сельской общины (с. 204—207). Изучая реальные перемены, наблюдаемые в указанный период, французский историк концентрирует внимание на появлении апанажей (впрочем, заимствованный у медиевистов термин исключен из лексикона византиста) крупных светских землевладельцев, росте латифундиальных владений церкви и развитии пронии. Исследование развития стратиотского землевладения и пронии завершается систематизацией представлений ученого об истории военного землевладения в X—XII вв. (с. 241). Во фрагменте, посвященном распространению парикии, обсуждаются социально-экономические условия жизни византийского крестьянства комниновской эпохи. Как и некогда, П. Лемерль подчеркивает, что статус парика, которому, по словам историка, были неизвестны узлы личной зависимости от его господина, в корне отличается от положения феодально зависимого крестьянина (с. 246—247).

Несмотря на приверженность П. Лемерля подвергавшейся критике концепции, научная значимость его труда не подлежит сомнению. Опубликование английского варианта этого произведения свидетельствует о возрастающем интересе западноевропейских византистов к социально-экономической проблематике.

Ю. Я. Вин

³ *Granstrom E., Medvedev I., Papachrysanthou D. Fragment d'un Praktikon de la région d'Athènes (avant 1204).* — REB, 1976, 34, p. 5—44.

⁴ См.: *Lemerle P. Cinq études sur le XIe siècle byzantin.* P., 1977; *Idem. Recherches sur le régime agraire à Byzance: la terre militaire à l'époque des Comènes.* — *Cahiers de Civilisation Médiévale*, 1959, an. II, N 3, p. 265—281.

⁵ *Курбатов Г. Л. История Византии: (Историография).* Л., 1975, с. 230—231.

J. Koder, T. Weber. Liutprand
1980 (*Byzantina Vindobonensia*, XIII).

Небольшое по объему исследование И. Кодера и Т. Вебера примыкает к направлению, ставящему целью историко-культурное изучение византийской цивилизации. Воссоздание разговорного языка, реалий и специфики повседневной жизни византийцев, как отмечает в издательском предисловии Г. Хунгер, составляет важный аспект современных исследований средневековой, в том числе византийской, культуры.

Книга состоит из введения (И. Кодер) и двух частей: «Лиутпранд Кременский и греческий язык» (И. Кодер), «Блюда и напитки в Константинополе X в. по сообщению Лиутпранда Кременского» (Т. Вебер).

Лиутпранд, кременский епископ (ок. 920—970/3), дважды в течение своей жизни побывал в Константинополе: в 949—950 гг. (с дипломатической миссией короля Беренгарда II) и в июле—октябре 968 г. (как посол Оттона I). Впечатления от первого пребывания в столице Византии нашли отражение в его сочинении «Aniaporosis». а второго — в дневниковых записях — «Legatio». Сочинения и записки Лиутпранда содержат богатый материал, отражающий повседневность дипломатической жизни и быта византийского двора в середине второй половине X в., но авторы книги останавливаются лишь на двух аспектах этой многогранной темы: употреблении

von Cremona in Konstantinopel. Wien,

греческих слов и выражений кременским епископом, а также на названиях блюд и напитков, о которых идет речь в его сочинениях.

Задача И. Кодера — анализ греческого словарного состава в текстах указанных сочинений Лиутпранда. Анализируя встречающиеся в них греческие вокабулы (общим числом около 230), автор вычленяет, правда, с оговоркой о невозможности абсолютно точного подразделения ряд языковых слоев, относящихся к античной и христианской литературе (Библия, патристические сочинения), разговорному языку византийцев, а также к греческой лексике (преимущественно литургической), бывшей в ходу на средневековом Западе.

Кодер дополняет основную исследовательскую часть глоссарием, а также таблицами и диаграммами, отражающими процентное соотношение анализируемой лексики. В целом, считает исследователь, в языковом багаже кременского епископа, особенно в «Legatio», фиксирован свежее впечатление, преобладали разговорный греческий язык X столетия. Это, по мнению автора, одно из дополнительных доказательств того, что Лиутпранд не был отделен от византийского мира, напротив, он мог достаточно легко ориентироваться в сложной византийской титулатуре, а также отваживался даже на малопрстойную игру слов. На основа-